

Статья Ольги Кирилловой – это и теоретическое обоснование «культурологии города» как гуманитарной дисциплины, и проектное предложение. Показывая, сколь комплексным должно быть современное знание о городе, она выходит за рамки привычных представлений о городских исследованиях и предьявляет позицию культуролога как активного участника развития городского пространства, носителя уникального знания о городе, недостижимого в рамках других академических дисциплин.

Культурология, город и культ-туризм: конкретизация пространства

Ольга Кириллова,
культуролог,
кандидат философских наук,
магистр философии
Кембриджского университета,
доцент кафедры культурологии
Национального педагогического университета
имени М.П. Драгоманова,
Киев,
olga-kirillova@yandex.ru

В современной отечественной системе образования культурология занимает «промежуточное место» между краеведением и регионоведением, с одной стороны, музеологией – с другой, туризмологией – с третьей, по традиции претендуя однако на роль некой «обобщающей теории». Скептические нотки в отношении родной специальности в данном случае вполне оправданы. Позиция культуролога как «универсального специалиста» не всегда адекватна в прикладной сфере, требующей знаний «узкого специалиста». Хотя бы потому, что «модная» на сегодняшний день сфера «культурологии туризма» фактически полностью ушла в выяснение собственных теоретических

основ, исходя из специфики гуманитарного бекграунда её теоретиков: некогда философов, социологов, политологов и пр. И если новая дисциплина совершает попытки интегрироваться с практиками туризма и образования, то очень нерешительные. Потребность же намного превышает предложение.

(Не) хочется привести невесёлый пример собственной кафедры, которая ещё несколько лет назад была одной из немногих по Украине выпускающих кафедр по специальности «культурология». Здесь отметим в скобках, что общее «культурологическое поветрие» с массовым открытием специальности «культурология» во всех региональных вузах (в том числе неспециализированных) охватило Украину, как и следовало ожидать, на десятилетие позже России — к концу 2000-х¹.

Опыт Украины отличается от российского в первую очередь отсутствием госстандартов в подготовке культурологов-специалистов (аналога российских стандартов Минобразования 1997-1998 гг.) Так, уже второй набор студентов-культурологов в Национальном педагогическом университете имени Михаила Драгоманова (некогда — Киевском государственном педагогическом институте имени Максима Горького) был на специализацию «организатор туристической и экскурсионной деятельности». И ситуация, в которой оказались ребята, лелеющие мечту об изучении «изящных искусств», и родители, влекомые броским созвучием «менеджер по туризму», оказалась поистине трагична. Учебные программы перегружены обилием теоретических курсов, рассчитанных на будущих гуманитариев-аналитиков, владеющих корпусом основных культурологических парадигм и методов — при том, что специальность «культуролог-теоретик» на сегодняшний день остаётся в проекте. Туристические же фирмы предпочитают брать на работу выпускников экономических вузов или, по крайней мере, геофаков —

культуролог, даже трудоустроившись, вряд ли поднимется выше помощника менеджера, так как его непосредственные функции — разработка концепций, «интеллектуализация» деятельности фирмы не предусмотрены соответствующей должностью в штатном расписании (как и в очень многих других организациях, опосредованно связанных с культурной деятельностью). Экскурсии же по городу имеют право проводить только гиды, у которых есть лицензия городского бюро экскурсоводов (что связано с посещением дополнительных платных городских курсов). Ещё одно слабое место — иностранный язык, до сегодняшнего дня почему-то остающийся для гуманитариев в большинстве вузов непопулярной роскошью, а не

Петербург. Фрагмент эскибриса работы П.А. Шиллинговского. 1924 г.

обязательной частью «джентльменского набора» (что не всегда случайно и зачастую определяется сознательной политикой «иноязычных» факультетов в системе университета).

Но это не привычка жаловаться в присутствии зарубежных коллег, якобы предопределённая менталитетом, а рассказ о «практиках».

Вполне логично, что подготовка культурологов — специалистов экскурсионного дела должна быть тесно связана с региональным и краеведческим аспектами.

¹ При том, что первая бакалаврская программа по культурологии в Украине открылась в 1991 г. в Киево-Могилянской академии, возрождённой на базе одного из первых высших учебных заведений Украины и России (XVII в.) сразу же по принципам Болонской системы с использованием европейских учебных программ.

Культурология, город и культ-туризм: конкретизация пространства

В первую очередь — с акцентом на культурологии города как топоса формирования специалиста-культуролога и места его профессиональной реализации. Ведь в «перевернутой оптике» современного студента Акрополь и Нотр-Дам де Пари порой лучше знакомы (по книгам) и более близки, нежели воссозданные образчики тех же архитектурных стилей в родном городе. Здесь, как вы поняли, проблема в том, что история культуры (историческая культурология) до сегодняшнего дня количественно и качественно доминирует над актуальной культурологией. Поэтому происходит движение «от дальнего мира к ближнему» — к пространству родного города или же города, который на первых курсах учёбы студенту-гуманитарию приходится осваивать не только утилитарно. Деятельность культуролога зачастую связана с пространственными абстракциями, и задача культурологического образования в нашем случае — максимально эти абстракции конкретизировать.

Каким образом? Сейчас распространены спецкурсы по культуре родного города — в Санкт-Петербурге, например, «Культура Петербурга» входит и в школьную программу. Несколько иная ситуация в Киеве — курс по истории Киева (к тому же, элективный) слушают только культурологи Киево-Могилянской академии. На кафедре культурологии Национального педагогического университета им. Драгоманова в этом году разработан и предложен к апробации курс «Культурология городов Украины» наряду со столь же необходимой «Культурой регионов Украины». Изучение этой дисциплины не могут компенсировать «История украинской культуры», «Этнология» и «Этнография». «Культурология городов Украины» — это не краеведческий курс, в отличие от «культуры регионов»; в него входят города, которые не обязательно являются областными центрами или отдельными региональными единицами, но обязательно имеют свой целостный образ, свой «миф»: таковы Киев, Чернигов, Львов, Ужгород, Одесса и другие. Одно занятие — один город, с непременно привлечением визуального и литературно-ассоциативного

Львов. Графика Владимира Кауфмана к поэзии Юрия Андруховича. 1994 г.

ряда. В проекте предусмотрена и практика, включающая двухнедельное знакомство с изучаемыми «городами-мифами». Воплощение этого проекта, однако, требует большого энтузиазма и бескорыстия как организаторов, так и участников-студентов. Помимо истории и «набора достопримечательностей» любой город имеет свою пространственную структуру, свою «топологику» и «мифологику», свой особый хронотоп. Каждый город, история которого простирается в прошлое за пределы XX в., представляет собою неповторимую комбинацию различных культур.

И тогда мы неизбежно приходим к культурологии города.

Вырастая из урбанистики (которая сама по себе давно уже перестала быть областью сугубо прикладного знания, локализованной в сфере экономической географии), культурология города объединила в себе урбанистический, краеведческий и мифопоэтический аспекты изучения городских центров. Однако текстология города сыграла не менее значительную роль в её формировании. Так мы вновь сталкиваемся с парадоксами картографирования пространства русской культуры. Без сомнения, «петербургский текст русской культуры», определённый как самостоятельный культурный феномен филологом Владимиром Топоровым, стал отправной

Культурология, город и культ-туризм: конкретизация пространства

1.

Киев. Графика. Фото Юлии Мухи с интернет-ресурса: <http://infopres.livejournal.com>. 2008 г.

точкой в исследованиях подобного рода. Неслучайно один из ведущих теоретиков «петербургского текста» сегодня, философ Михаил Уваров, указывает на то, что именно «под прямым или косвенным воздействием проекта “Метафизика Петербурга”, осуществляемого в разных формах с 1992 г., возникли центры изучения культуры городской среды в Саратове и в Сибири, в городах Украины (в том числе в Крыму) и даже в Казахстане»². Заметим, что более теоретические, текстологические исследования по культурологии города появляются как раз в центральной России (а также в Украине и, собственно, в Крыму, и здесь нельзя не упомянуть уникальные исследования «крымского текста», которые провёл московский культуролог, крымчанин по происхождению, Александр Люсый³). Петербургское отделение РИК (Российского института культурологии) поддерживает проведение научных мероприятий, посвящённых теме «Санкт-Петербург как культурный феномен»⁴. С другой же стороны, фундаментальные исследования, посвящённые разграничению теоретического и прикладного (что не менее важно!) аспектов культурологии города, находим именно в работах культурологов Сибирского филиала РИК (г. Омск).

Здесь создан целый сектор социально-культурных аспектов урбанизации Сибири, который изучает социокультурный облик сибирских городов в тесной взаимосвязи с городским ландшафтом и формированием образа жизни и менталитета горожанина. Приоритет сибирских исследований по культурологии города в первую очередь состоит в том, что они более комплексны, менее «текстологичны». К тому же Москва и Петербург позиционируют себя как два уникальных «города-текста», претендующих на культурологический статус отдельных цивилизационных типов (ещё в начале XX в. О. Шпенглер явно

² Уваров М.С. Поэтика Петербурга (вместо введения) // Материалы Международной конференции «Метафизика искусства – 4. Поэтика Города», Санкт-Петербург, 18 – 19 ноября 2005 г. – СПб. 2005. – С.5.

³ См.: Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. – СПб: «Алетейя», 2003.

⁴ Такие мероприятия обычно проходят в рамках Российских культурологических конгрессов и Дней Петербургской философии.

погорячился насчёт цивилизации единого «российско-сибирского» типа). «Культурология города» в Сибири гораздо больше связана с изучением специфики региона — именно в этом контексте определяется уникальность городской среды каждого отдельного города: Тобольска, Омска, Томска, Новосибирска и др. При этом сибирские теоретики отмечают недостаточно разработанный фундаментальный уровень культурологии города (по сравнению с прикладным) — обоснованию его теоретических основ посвящены, в частности, работы Н.А. Алисова⁵.

Так интереснейшим образом центрами изучения культурологии города как теоретической и прикладной дисциплины вновь становятся два ключевых (не в последнюю очередь благодаря Ф.М. Достоевскому, но не только!) топоса классической русской литературы, парадоксальным образом вытесняя промежуточную Москву — поскольку приверженцы текстологического подхода (в том числе упомянутый московский автор А. Люсьи́й) само существование «московского текста русской культуры» ставят под сомнение; в аспекте же культурологии города Москва, безусловно, даёт массу теоретических и прикладных возможностей исследователю. Так подтверждается наш тезис о том, что культурология города как самостоятельная культурологическая дисциплина, безусловно, шире его текстологии.

На одной из первых в России конференций, где проблематика культурологического образования была раскрыта с максимальным учётом всех возможных его аспектов, а именно на конференции «Формирование дисциплинарного пространства культурологии», которая проводилась Санкт-Петербургским философским обществом в 2001 г., прикладные аспекты культурологии города уже были обсуждены с точки зрения их использования в вузовской практике. Это если оставить в стороне область музейной педагогики, так как музей, музейный комплекс или заповедник — совершенно

особая сфера, концентрирующая в себе культурное наследие городов.

Итак, если остановиться сугубо на «культурологии города», обратимся к опыту и предложениям петербургских коллег, сформулированным ещё в начале 2000-х. «Культурология города» — как отдельный предмет, необходимый в «типовой» (там, где она есть!) программе подготовки культуролога — такова конечная цель обоснования её в качестве самостоятельной культурологической дисциплины. Культуролог Л. Трушина, говоря о необходимости выделения культурологии города, что должно «не дать ей увязнуть в лабиринте наук урбанистического цикла», выделяет такие её аспекты, «образующие звено среднего уровня в цепи переходов от общей культурологии к частным»:

1) поиск «центра жизненной силы» («души») города, что создаёт его уникальную ментальность (ментальность, как мы помним, бывает петербургская, тюменская, киевская, ни минуты не: российская, украинская и пр., что относится к сфере менталитета);

2) стилистический анализ архитектуры и дизайна городской среды (сюда же входят стилистика поведения и стиль одежды горожан, речевые практики);

3) изучение коммуникативных процессов в городской среде⁶. Предположим, студент-культуролог на уровне освоения теоретических аспектов культурологии города в состоянии овладеть практиками такой целостной реконструкции «культуры города», пользуясь предложенным набором параметров. Конечно, это совсем другой уровень подготовки потенциального специалиста экскурсионного дела, нежели заучивание набора фактов, не всегда исторически подтверждённых, иногда слабо топографически выверенных.

Даже на базовом (не специализированном) уровне изучения культурологии использование знаковых локусов городской среды открывает педагогу прекрасные

⁵ См., напр.: Алисов Д.А. Актуальные проблемы культурологии города // Культурологические исследования в Сибири. Вып. 1. — Омск, 1999. — С. 7-21.

⁶ Трушина Л.Е. Культурология города как самостоятельная дисциплина // Формирование дисциплинарного пространства культурологии. Материалы научно-методической конференции. 16 января 2001 года, Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. Серия «Symposium». Вып. 11. — 2001. — С. 209-210.

Культурология, город и культ-туризм: конкретизация пространства

возможности для работы с аудиторией. Визуализировать топографически городской текст (в данном случае опять же петербургский), создавая «точки привязки» текста к месту, собирая в едином фокусе (в едином локусе) разрозненные образы одного и того же топоса, предложила на той же петербургской конференции Л.Е. Прохоренко. В качестве такого «материального знака петербургского текста, знака, который в то же время сам разворачивается в текст», она предложила к прочтению Михайловский замок, «который и в сознании обывателя хотя бы ассоциативно связан со зрительными символами Петербурга (Адмиралтейство, Петропавловская крепость, Эрмитаж и т. д.). Исторический пласт текста связан с жизнью и эпохой правления Павла I, историей здания и его функций; легендарный — с основанием замка, предсказанием юрдивой, выбором цвета фасада (перчатка Лопухиной), с легендой о призраке императора Павла; литературный — с одой “Вольность” А.С. Пушкина (“Пустынный памятник тирана, забвенью брошенный дворец...”), с творческой биографией Достоевского, с пьесой Д.С. Мережковского “Павел I”»⁷.

Множественность аспектов воссоздания образа города в целом и каждого из тех образов, которые его репрезентируют, позволяют в первую очередь отличить подход культурологический от краеведческого, не подменить «культурологию города» попросту «культурой края». В то же время важно удержаться и от другой крайности, на которую справедливо указала процитированная выше Л. Трушина: восприятие города в качестве целостного организма, своего рода «сверхличности» с её «душой, лицом и судьбой», может привести к дисциплинарной подмене и «смыканию» культурологии города с антропологией города, которая априори суть по определению совершенно иная дисциплина.

Культурология города как самостоятельно изучаемая дисциплина — не предел

⁷ Прохоренко Л.Е. Пути формирования методов культурологического анализа в рамках учебной программы по культурологии // Формирование дисциплинарного пространства культурологии... — С.131.

возможностей её интеграции в учебно-образовательный комплекс. Здесь показателен экспериментальный проект, предложенный в Южном федеральном университете (г. Ростов-на-Дону) в 2008 г.: магистратура по новой межпредметной специальности «культурология города»!

В целях и задачах программы «анализ города в качестве противоречивого, многомерного феномена южно-российской духовной жизни» сочетается с прикладной необходимостью «возрождения ростовской архитектурной научной школы». Не на последнем месте стоит и необходимость «отработать методику социокультурной экспертизы градостроительных проектов». Насколько же это вопрос (в частности, вопрос отсутствия основ культуры вообще) болезненный и актуальный сегодня для большинства регионов России, а также по всей без исключения территории Украины! Культуролог как эксперт — эта ипостась культуролога, понемногу отвоёвывая себе пространство в разных сферах — от публичной вербализации социальных проблем в медиaprостранстве до судебной экспертизы и т. д., именно в городском пространстве на сегодняшний день пока не востребована — в первую очередь теми, кто судьбу этого пространства решает. Могу привести пример родного Киева, где безжалостно попираются топосы сакрального — им противопоставляются (в прямом и переносном смысле) вертикальные доминанты нового времени. Над православными святынями Софии Киевской и реконструированного Михайловского златоверхого монастыря возвышается архитектурный комплекс отеля «Hyatt», закрывая вид из центра города на колокольню Софийского собора, а новоявленный мемориальный комплекс, посвящённый событиям «Голодомора» — над Киево-Печёрской Лаврой. Комментарии излишни — таковы последствия фрагментации единой картины города (тоже своего рода пример топографического постмодернизма) на «строительные участки» без соотношения их с этой «единой картиной». Поэтому специалисты в сфере «культурологии города» социально необходимы — коль скоро культурно ориентированная обще-

ственность не в состоянии противостоять подобным процессам даже в столичных городах.

Да, конечно, когда мы говорим о подобных проблемах в социокультурном измерении города, в первую очередь мы отталкиваемся от целостного образа города, где архитектура сочетается с мифологией. Культурологическое освоение пространства в университетской практике — тема чрезвычайно многоплановая. Семиотика повседневного пространства и картографирование его замкнутыми субкультурами приводит к экспериментам вроде того, который провела научно-методическая лаборатория прикладной культурологии Российского государственного университета им. А.И. Герцена: воссоздать целостную карту университета как одного из городских топосов в терминах субкультуры студенчества этого университета. Все эти аспекты в будущем должны учитываться при подготовке специалистов в сфере «организации экскурсионной деятельности», что позволило бы поднять её на качественно иной уровень.

Статья изначально была задумана для раздела «Практики». Пусть на сегодняшний день все эти «практики» — преимущественно проекты и разрозненные осколки чужого опыта. Коль скоро мы объединяем культуру и туризм воедино даже в названии определённого учреждения (Министерство культуры и туризма в Украине функционирует с начала 2005 г.), идентичность культуролога в этой сфере должна быть сформирована с достаточным пониманием всех его функций. И наконец, невозможно не признать, что в формировании этой идентичности краеведение играет существенную роль.